

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-583-600

EDN: ХКАВРТ

Научная статья

Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах

Ламажаа Ч.К.¹ , Сувандии Н.Д.²

¹Независимый исследователь,
Российская Федерация

²Тувинский государственный университет,
Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36.

 lamazhaa@tuva.asia

Аннотация. Анализируется работа ученых-инсайдеров в условиях российской социокультурной действительности и организации российской науки. Основное внимание уделяется исследователям, занимающимся проблемами этнической культуры, представителями которой они являются. Рассмотрена работа коллектива тувиноведов, в том числе авторов статьи, работающих по одному исследовательскому проекту в 2021–2023 гг. Поскольку ученые-инсайдеры в регионах России работают в рамках организации российской науки, но проживают в регионах, они подчиняются и общесистемным профессиональным условиям, и социокультурным условиям. В связи с этим работа инсайдеров рассматривается в следующих аспектах: заказчики исследований, научное сообщество (российское и региональное), культура, социокультурное окружение и сами ученые в культуре. В своей культуре ученые могут быть одновременно и инсайдерами, и аутсайдерами по отношению к изучаемому вопросу, аспекту жизни земляков. Изложены результаты собственного опыта авторов по решению подобных проблем, предложен путь выхода, названный стратегией совместного круга, включающей постановки и обсуждения парадоксальных вопросов.

Ключевые слова: ученый-инсайдер, инсайдерская работа, региональная наука, российская наука, тувиноведение, внутренняя антропология

История статьи: поступила в редакцию: 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246)

© Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д. Особенности работы ученых-инсайдеров в российских регионах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 583–600. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Research Article

Features of the Work of Insider Scientists in Russian Regions

Chimiza K. Lamazhaa¹ , Nadezhda D. Suvandii²

¹Independent Researcher
Russian Federation

²Tuva State University,
36 Lenin str., Kyzyl, 667000, Russian Federation
 lamazhaa@tuvva.asia

Abstract. The purpose of the article is to analyze the general problems of the work of insider scientists in the conditions of Russian sociocultural reality and the organization of Russian science. The main attention is paid to researchers dealing with the problems of the ethnic culture of which they are representatives. As an example, we consider the work of a team of tuvinologists and the authors of this article, working on the same research project in 2021–2023. Scientific insiders living in the regions of Russia work in the system of Russian science; they are subject to the general professional and sociocultural conditions in the country. This article examines the work of insiders from different angles: customers of research, the scientific community (Russian and regional), culture, sociocultural environment and scientists in culture. This relationship contains a significant imbalance of power and interests. It is argued that the work of insiders is more difficult because scientists in their own culture can be both insiders and outsiders in relation to the issue under study, an aspect of the lives of fellow countrymen. The results of the authors' own experience in solving similar problems are presented, and a way out is proposed called the joint circle strategy, which includes constant formulation and discussion of paradoxical questions.

Key words: insider scientist, insider work, regional science, Russian science, tuvinology, internal anthropology

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation in the framework of the scientific project No 21-18-00246 “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)”

For citation: Lamazhaa, Ch.K., and N.D. Suvandii. 2023. “Features of the Work of Insider Scientists in Russian Regions”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 583–600. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-583-600>

Введение

Занимаясь много лет исследованием тувинской этнической культуры, будучи сами представителями тувинского этноса, в проекте «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)», мы столкнулись с необходимостью осмыслить работу ученых-инсайдеров. Мы задались вопросом: можно ли говорить о том, что изучение культуры «изнутри» сулит только преимущества? Ведь, казалось бы, ученые находятся в своей культуре, владеют ее языком, связаны с культурой, социумом. Но полевая работа, которая была проведена нами в Туве в 2021–2023 гг., показала нам, что в работе инсайдеров много проблем. Мы уже упоминали об этом, приводя некоторые примеры и восстанавливая историю появления и развития внутреннего тувиноведения [1. С. 43]. В данной статье мы анализируем общие проблемы работы ученых-инсайдеров в условиях российской социокультурной действительности и организации российской науки.

Такие проблемы «внутренней», «родной» науки в мировой науке обсуждаются с 1970-х гг., а в последние 20–30 лет они снова возобновились в связи с увеличением числа ученых, изучающих собственную культуру и осмысливающих проблемы своего положения и особенности работы, вопросы субъективности и объективности получаемого знания [2–7]. Исследователи уже давно пришли к выводу о том, что различия между исследователями-аутсайдерами и инсайдерами не столь велики и принципиальны. Даже будучи инсайдером в целом в культуре, исследователь может быть аутсайдером для тех социальных групп в ней, членом которой он не является [4. С. 9; 8. С. 15]. Например, если сам ученый — горожанин, то при изучении сельских жителей — представителей своего этноса — он уже является внешним исследователем. Можно сказать, что все антропологи — частично инсайдеры и частично аутсайдеры [8. С. 15]. На этом также основана дихотомия, когда достоинства родной антропологии могут оборачиваться недостатками. Можно быстро установить контакт с респондентами — членами изучаемой культуры на одном языке, но можно и не понимать, когда общаются между собой представители разных профессий, с разным образованием, с разным образом жизни; можно быть погруженным в культурный мир, но потерять объективность взгляда; можно быть принятым средой как свой человек, но можно и вызывать подозрения, как некий человек от власти; можно также подвергнуться опасности культурного национализма; есть вещи, которые ускользают от взгляда инсайдеров, и их правильнее рассматривать извне и пр. [4. С. 13].

В случае с тувиноведами-инсайдерами также очевидно, что они могут быть в одних случаях инсайдерами, а в других — аутсайдерами. Если тувиноведы — горожане и для изучения сельской жизни тувинцев они только иногда приезжают в село, то им сложно понять сельчан. В этом направлении, кстати, гораздо больше сделано зарубежным тувиноведением — антропологами,

которые в начале 2000-х гг. проводили в Туве научные экспедиции [9; 10]. Если тувиновед, проживающий в самой республике, плохо владеет или вовсе не владеет тувинским языком, он не может в подной мере понимать тувинскую культуру, его работы были более слабые в сравнении с работами тех ученых, которые свободно владеют языком.

Не абсолютные различия между внешними и внутренними исследователями также присутствуют и во внутреннем тувиноведении.

Поэтому исследователи предлагают обсуждать не противопоставление антропологов, сравнение недостатков тех и других, а другие аспекты, например, те, которые связаны с процессом взаимодействия инсайдеров с изучаемой культурой и результатами этого взаимодействия. Именно в этой плоскости можно увидеть те факторы, которые влияют на особенности проведения исследований и трактовку их результатов.

Обсуждение

Заказчики исследований

Прежде чем говорить об особенностях взаимодействия исследователя с культурой, важно понимать наличие и других сторон в этом процессе. Например, Т. Куваяма считает, что необходимо в целом учитывать соотношение сторон этнографической триады: 1) ученый; 2) его информатор, репрезентатор культуры 3) «читатель» результатов (академическая среда) [4. С. 9]. В этой триаде, особенно в третьей части, присутствует дисбаланс сил [4. С. 11]. Учитывая тот факт, что российская наука имеет асимметричную структуру и дисбаланс здесь весьма значительный, о чем мы уже сказали, мы бы рассматривали академическую среду также в делении.

Во-первых, надо учитывать «заказчика» научного исследования (научную организацию или грантодателя, фонд), поскольку российская наука в основном функционирует на бюджетные средства и «заказчик» не просто знакомится с полученными результатами, а определяет тематические приоритеты исследований. Во-вторых, следует учитывать интересы научного сообщества, которое знакомится с результатами, может их оценивать, рекомендовать к публикации (сюда же можно отнести и редакции научных журналов, которые также упоминает Куваяма). Сторону же репрезентатора культуры из триады Куваямы можно скорее рассматривать как в целом региональное сообщество, с его культурой, внутренней политикой, и пр. При этом каждая из сторон имеет свои интересы.

Дисбаланс интересов всех сторон определяет противоречивый характер и / или результат исследований этнической культуры в условиях России.

Научная политика в условиях России содержательно определяется столичной наукой. Та, в свою очередь, ориентирована на решение государственных задач. Национальная принадлежность представителей социальных

и гуманитарных наук коррелирует с общими геополитическими представлениями страны, на их работу серьезно влияют идеология и политика. Так, российские и зарубежные тувиноведы могут не только по-разному трактовать геополитическое положение региона, его историю (в которой есть ряд остро-дискуссионных эпизодов, в том числе в вопросе вхождения в состав СССР), но и иметь разные традиции именования республики, разное представление о культурогенезе тувинцев [11].

Политика изучения этнических культур в России также определяется влиянием русской культуры, которое начиная с 1990-х гг. только усилилось [12]. Научная политика также не оставалась в стороне от этого «символического возвышения русского народа до положения „старшего брата“...» [12. С. 218]. Региональная наука вынуждена подчиняться этому процессу — признанию того, что российские этнические культуры при их изучении важно / правильно / должно соотносить с русской культурой [13]. Получило распространение также сравнение разных лингвокультур народов России, а также стран СНГ с русской лингвокультурой [14–20].

В области культурологии до сих пор используются категории колониальной науки — «антрополог» и «туземцы». Один из составителей энциклопедии социокультурной антропологии Ю.М. Резник считает, что «одно из важных качеств антропологического подхода как методологии исследования человека и его культуры — это взгляд с позиции иного» [21. С. 7]. При этом он не говорит о том, что антрополог может быть и субъектом культуры, и ее наблюдателем.

То, что этнографическая наука вносила вклад в нациестроительство еще в советское время, прямо признается ведущими учеными [22. С. 5]. Позицию современной столичной российской этнологии выражает ведущий этнолог академик В.А. Тишков. Проекты исследователей из числа самих этносов, направленные на изучение культур с позиции инсайдеров как представителей индигенного знания, он называет «попыткой узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами — якобы носителями неких архетипов, исключительными „собственниками“ индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус „живого культурного наследия“» [23. С. 89].

В.А. Тишков пишет, что основной стратегии развития гуманитарной науки страны является то, что «для России как страны с мировым геополитическим статусом характерен глобальный и универсальный интерес к явлениям общественного развития, эволюции человечества и отдельных обществ и государств, культурным феноменам и процессам» [24. С. 879]. Культура русского народа является, как он говорит, «фундаментом современной культуры всей России» [25].

Признание внутреннего культурного разнообразия России и актуальности его изучения присутствует в работах ведущих российских этнологов. Тем

не менее это в первую очередь связывается с анализом национальной безопасности страны.

Во многом, мы считаем, именно потому, что изучение этнокультурного разнообразия направлено не на само этнокультурное разнообразие, а на то, чем оно является для российского общества, например, российская культурология «не имеет понятийного аппарата для выражения уникальных картин мира уникальных культур» [26]¹.

Культуры этносов в регионах интересны только самой региональной науке. В условиях, когда иностранные гранты, поддержка в рамках зарубежных исследовательских программ для россиян в последние годы перестали быть доступными, поле заказчиков для региональных ученых с их интересами сузилось. Оно или состоит в столичных заказах по изучению работ российского значения, или в заказах местных региональных властей. Ближе для региональных ученых стали только свои власти. В итоге, они перестают осознавать себя частью российской науки, представителями большого научного сообщества.

Научное сообщество

Очевидно, что научное сообщество страны, асимметрично организованное, также по-разному воспринимает работу региональных ученых. Разница интересов видна также в разрезе такой организационной жизни науки, как конференции, число которых по всей России ежегодно составляет несколько тысяч по всем отраслям наук². Региональная наука в артикуляции своих целей и задач практически не выходит за пределы своего региона. В связи с этим можно говорить и о делении конференций на столичные и региональные — в зависимости от организаторов. При этом и те, и другие могут иметь статус международных, всероссийских и пр. Но масштабы и их реальная значимость всегда зависят от организаторов и их научных связей, научных интересов.

Чаще всего если ученый из региона выступает на «центральной» конференции с тематикой исследования региональной культуры, то интерес к нему

¹ Справедливости ради надо отметить, что в российской гуманитарной науке перспективы разных антропологий стали обсуждаться совсем недавно. Появляются и отдельные мнения: «...другие культуры описывать как „другие антропологии“» [27]. Также с 2021 г. под эгидой Института этнологии и антропологии РАН начал выходить журнал «Антропологии» (<https://journals.ica.ras.ru/anthropologies>). Но, скорее всего, он не будет востребован учеными российских регионов, поскольку он, согласно его концепции, рассматривает саму российскую науку как региональную науку в мире и направлен на установление диалога с зарубежными антропологиями.

² Архив крупнейшего российского агрегатора <https://konferencii.ru/> может показать по годам только приблизительную картину, поскольку не все организаторы загружают свои информационные письма на этот портал. Но в целом имеющийся архив конференций в России на данном сайте по годам показывает по 2–3 тысячи наименований конференций в последние десять лет.

организаторов и слушателей будет примерно таким, как интерес к экзотике. В этом случае для слушателей важны даже не столько сами результаты исследования, сколько географическая удаленность темы, которую привносит своим выступлением докладчик. Уровень требований на столичных конференциях к региональным докладам настолько низок, что у наших коллег из регионов появилась тенденция выступить на столичной конференции скорее в популяризаторском стиле, т. е. просто рассказать о какой-то традиции, о судьбе этнической культуры.

Региональная наука и сама ставит столичную выше себя. Считается важным пригласить столичного ученого на свою конференцию в регион и вынести его доклад в программу конференции в самую почетную часть — на пленарное заседание. Также желательно, чтобы научный коллектив для большого проекта возглавил ученый именно из московской организации.

В научных объединениях в форме редакционных коллегий журналов тоже заметно деление на «столичных» и «региональных» и соответствующее отношение к авторам разных категорий. Система рецензирования, даже если не говорить о недостатках организации и пр., в своей основе также демонстрирует дисбаланс сил. У ученых из регионов присутствует стойкое убеждение в том, что в московские журналы следует „пробиваться“, что без личных связей не обойтись. Хотя в последние годы организация научной периодики в стране, благодаря работе Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), стала заметно лучше, деление все же сохраняется. Это обусловлено тем, что самые крупные научные издатели в первую очередь сконцентрированы в Москве, в руках крупных научных и образовательных организаций.

В целом общий разрыв между столичной наукой и региональной якутский социолог У.А. Винокурова характеризует так: «Мы, коренные ученые, имеем собственный фокус восприятия всего того, что творится на исконных землях наших народов, а другие ученые используют эгоцентрические, может быть постколониальные, даже имперские размышления, и вести с ними открытый диалог крайне трудно» [28. С. 166].

Из всего сказанного становится очевидно, что ученых-инсайдеров, занимающих активную позицию, пытающихся работать в непростых условиях в региональном сообществе, начинают «раздирать» в разные стороны разнонаправленные интересы «заказчиков» и «коллег». Исследовать важно свою культуру, свое региональное сообщество. Но сразу возникают вопросы: «Как получить финансирование?», «Где публиковаться?», «Где выступать?», начинаются поиски «своих» в профессиональном сообществе («Кто возьмет?», «Куда примут?»). Заботы о финансировании и желание получить федеральный грант сразу вызывают опасения, что тема слишком мелкая, региональная и поэтому ее «зарубят». Выходить на московские рубежи — проблематично. Проще общаться со своими коллегами из регионов. И так далее.

Культура и ученые в культуре

Имея в виду в первую очередь подходы аутсайдеров, Т. Куваяма пишет, что «туземцы», или репрезентаторы культуры, фактически исключаются из диалогического круга этнографии и обретают легитимность только как объекты научной мысли [4. С. 10]. Более того, с ними редко консультируются при написании и публикации работы.

Критика подобного отношения к «туземцам» легла в основание развития *Indigenous methodology*, ряд представителей которых в своих заявлениях критикуют в целом аутсайдерский подход [1. С. 67–70]. Так, например, Л.Т. Смит, ученая из племени маори, писала, что сам термин *research* («исследование») неразрывно связан с европейским империализмом, колониализмом и, вероятно, даже является одним из самых «грязных» слов в лексиконе коренных народов [29. С. 1]. Критикуя ученых-аутсайдеров, она прямо пишет «наши», «мы», отождествляя себя с изучаемыми соплеменниками, выступая как представитель изучаемого кем-то извне народа.

Но инсайдеры также могут становиться чужими, чуждыми для своей же культуры. Применяя знания и методы, которыми его вооружили учителя из числа внешних для культуры исследователей, они далеко не всегда способны понять соплеменников, собственную культуру.

Если исследователи задумываются над противоречиями, то они могут осознать, что в ряде случаев их профессиональная идентичность может вступать в противоречие с культурной, этнической.

Одна исследовательница тувинского шаманизма так описывала нам свое внутреннее противоречие: с одной стороны, она должна была анализировать шаманские практики как ученый, рационально объясняя все, что она фиксирует. С другой стороны, она понимала, что объяснить все она не сможет. В практиках, в ритуалах возможны такие события, явления, которые невозможно понять рационально (и это признают сами ученые, которые, работая на стыке гуманитарных и естественных наук, стали изучать и обсуждать измененное состояние сознания шаманов с точки зрения определенного творческого потенциала [30]). Тувинцы же в силу традиции просто верят шаманам, подчиняются их указаниям, обращаются к ним за помощью. И ученые-тувинцы — не исключение. Поэтому для нашей коллеги в какой-то момент возникла дилемма: как тувинка, как человек тувинской культуры, она продолжала верить шаманам, верить в наличие духов из иных миров; но, как человек науки, она пыталась подходить ко всему наблюдаемому рационально, и в этой ситуации ей казалось, что ее идентичности встали в противоборство. В конце концов она разрешила проблему выбором в пользу своей этнокультурной идентичности: «Да, я — исследователь, но в первую очередь я — тувинка. И я не должна вредить своей культуре, своей вере».

Отчасти такие внутренние противоречия ученых напоминают дилемму между наукой и религиозной верой, которая долгое время мучила ученых, но сейчас уже не считается неразрешимой [31; 32].

Когда мы решили реконструировать тезаурус самых близких для тувинцев отношений, культуру родственных отношений, в первую очередь мы решили опросить своих родственников, тем самым фиксируя и описывая круг ближних людей. И на первый взгляд задача показалась очень простой. При этом для того, чтобы реализовать наше междисциплинарное исследование как можно эффективнее, члены коллектива, специалисты в разных научных дисциплинах выполняли одинаковые задачи, в том числе выполняли сбор информации «в поле». Нам не требовалось преодолевать большие расстояния, планировать долгие экспедиции, учить язык, искать жилье, налаживать контакты с респондентами, договариваться о получении информации и пр. То есть у нас сразу снимались те организационные проблемы, которые возникают перед аутсайдерами.

Но по мере работы, по мере углубления в историю собственного рода мы также убедились в наличии других сложностей. Ведь информация может быть искаженной, мы сами можем неверно ее зафиксировать, трактовать, даже просто не понять, а определенные сведения надо скрыть (например, семейные тайны). В этот момент мы переставали быть исследователями, мы становились членами рода. Когда мы посещали религиозные обряды, мы безоговорочно подчинялись требованиям шаманов, лам. Наши идентичности — профессиональная и этнокультурная — начинали переключаться, «мерцать».

Важнее всего было то, что в определенные моменты работы нас ограничивала не этика научного исследования, а этика самой культуры. Мы переставали быть исследователями, наблюдателями, мы становились теми людьми, которые молятся, испрашивают благословения и боятся навлечь на себя беду и проклятия. И внутренних противоречий это у нас не вызывало.

Поэтому очевидно, что для изучения собственной культуры ученому-инсайдеру следует не только уметь собирать информацию, но и научиться рефлексировать, прислушиваться к себе как к репрезентатору культуры, понимать интересы культуры, исходя из собственных представлений о том, что важно для культуры.

Наш путь выхода из профессиональной «цитадели» в собственную культуру содержал несколько этапов, которые мы вывели, собрав наши впечатления и проанализировав их.

1. Пришло осознание того, что информацию собирать у своих родственников, близких людей, общаться с ними сложнее, чем кажется. Фиксировались ошибки подхода, искажения их поведения, собственные недочеты, связанные с владением тувинским языком.

2. Пришло понимание, что над некоторыми исследовательскими вопросами инсайдеры вообще никогда не задумывались, так как не могли начинать анализировать для научных работ на русском языке лингвокультурные концепты, отдельные термины тувинского языка. Например, тувинцы для обозначения одного класса объектов или действий используют разные слова: *төрээн чурт* и *төрээн чер* ‘родная земля’, а также *дыгыыр* и *ыдыктаар* ‘освящать’.

3. Мы поняли, что встречаемся с семейными тайнами. Они нам доступны, нам все рассказывают, однако информанты просят нас не публиковать это, и мы сами понимаем, что это темы, которые нельзя обнародовать. Однако знание тайн помогает нам лучше понимать историю людей, семей, рода.

4. Появилось понимание, что наша работа важна для нас самих, для нашего окружения, для близких нам людей. И они тоже это признают, меняется их отношение к нам, к нашей работе, друг к другу; нам хотят помогать.

5. Стало очевидно, что мы наблюдаем культурный процесс в целом.

6. Меняется наше собственное отношение к своей работе: мы осознали, что были зажатые в рамках своих специальностей и условных ограничений, теперь у нас у самих появилось чувство субъектности в культуре, желание анализировать эту тему, пересмотреть имеющиеся труды тувиноведения с иной стороны.

Многие мысли, открытия и действия при выполнении междисциплинарного исследования были сопряжены фактически с ученическим освоением полевых методов новой научной парадигмы — антропологической; этому российских филологов, культурологов практически не учили и не учат. Речь также может идти о повышении квалификации исследователей, которые много лет были «законсервированы» в условиях низких требований и особенностей университетской работы, в которой науке отводится лишь место дополнительной. Однако среди наших наблюдений есть и такие, которые говорят об особенностях взаимоотношения инсайдеров со своей культурой.

Таким образом, мы также подошли к констатации того обстоятельства, что инсайдерское исследование гораздо сложнее и многограннее, чем обычно считается [2; 6; 3; 33].

Стратегия совместного круга

Безусловно, добросовестный антрополог, погружаясь в культуру, делает свою работу образом жизни, как говорят наши зарубежные коллеги, например, К. Хамфри [34. С. 337], М. Ларюэль [35. С. 123]. Н.Л. Жуковская признается, что после многих лет общения у нее сложилась взаимная симпатия с несколькими семьями в Бурятии и отношения продолжаются десятилетиями [34. С. 341]. У К. Хамфри также тесное общение с местным населением переросло в личную дружбу, и, по ее мнению, эти отношения уже не являются продолжением полевых исследований [34. С. 342].

Для внешних исследователей важен вопрос: как из «чужого» стать «своим» в изучаемой группе? Эта тема обсуждается чаще всего в российской науке в публикациях ученых, которые обсуждают рефлексию представителей академического сообщества, отличая себя от «туземной этнографии» [36]. К. Хамфри не уверена, что «возможно стать вполне „своим человеком“, особенно если ты родом из другой страны или принадлежишь совершенно другой культуре. Ты изучаешь этих людей, ты приезжаешь и... потом уезжаешь. В конце концов, опыт жизни в поле отличается от образа жизни тех людей, которые живут там постоянно. Я не берусь говорить об опыте других антропологов, но сама я могу быть лишь отдаленным “наполовину своим”, стараясь в меру своих сил и положения быть полезной — монголам, русским или бурятам» [34. С. 343]. Эта цель («стать своим») далеко не всегда воспринимается в позитивном ключе. Исследователи порой говорят о том, что есть «риск стать своим» [37. С. 455], это приводит к тому, что ученый перестает заниматься наукой, уходя в практическую помощь изучаемому сообществу, становясь активистом, приверженцем определенных идей и пр.

Как говорит Е.И. Филиппова, в отношении позиции аутсайдера «важно ведь не перестать быть антропологом, не потерять способность удивляться, замечать мелочи. Становясь постепенно все более “своим”, сохранять некоторую внутреннюю отстраненность, объективность и не предвзятость взгляда. На этой грани балансировать нелегко» [35. С. 124].

М. Ларюэль также подчеркивает важность субъективной позиции: «Я, как исследователь, связана со своей личностью и включаю в свой анализ то, что чувствую, и то, от чего мои чувства могут зависеть. Например, мои чувства могут зависеть от того, к какому поколению я принадлежу, что люблю или не люблю, что хочу изучать или не хочу, потому что мне это не интересно, и т. д. Я не считаю, что можно преодолеть субъективизм: это невозможно и не нужно. Мне кажется, самое важное — это быть искренним самим с собой: если реальная объективность не существует, то лучше осознать, в чем состоит субъективизм исследователя. Объективность не может появиться, если исследователь отрицает свой субъективизм. Наука — это отношения между личностью исследователя и объектами его исследования, т. е. другими людьми. Исследователь должен уметь осознать свой субъективизм и его объяснить в своей работе, т. е. быть способным рассматривать и анализировать себя как объект, изучающий другой объект» [35. С. 130].

Все это, безусловно, также верно и для ученых-инсайдеров, которым не приходится «сталкиваться с иной культурой», но которые должны также сохранить диалог со своей культурой.

Исследовательская стратегия «внутренних» ученых будет скорее отвечать на вопрос: как из «своего» в изучаемой культуре не стать «чужим», оставаясь ученым?

Т. Куваяма пишет, что из понимания этнографической триады вытекает важность не столько диалога ученого-инсайдера со своими соотечественниками во время сбора материала, сколько диалога уже в ходе составления этнографических текстов и их распространения [4. С. 10]. Мы же считаем, что диалогичность должна быть на всех этапах. Также мы считаем очень важным качеством ученого, который исследует современную жизнь этнической культуры, стремление к самопознанию, самоанализу.

Для того, чтобы сохранить и поддерживать все это в своей работе — работе региональных российских ученых-инсайдеров, мы считаем весьма полезным придерживаться *стратегии совместного круга*. Помимо того, что мы владеем определенной суммой профессиональных знаний, мы продолжаем самообразование путем чтения научной литературы, мы представляем результаты нашей работы разным кругам профессионального сообщества. Чтобы соблюдать наш баланс понимания «свой — чужой» в своей культуре, мы можем работать сообща с нашими «мерцающими» идентичностями. Каждый из нас является одновременно инсайдером и аутсайдером в разных условиях, в разных ситуациях. Поэтому планирование и выполнение каждой исследовательской задачи мы можем осуществлять, обсуждая ее в нашем кругу — там, где пересекаются наши взгляды, там, где каждый предмет рассматривается с разных сторон.

И в таком перекрестном, круговом рассмотрении мы считаем весьма полезным применять *тактику парадоксальных вопросов*, которые высвечивают «белые пятна» исследовательского поля. Их задают те из нас, кто в определенный момент понимают себя как аутсайдеров и видят то, что инсайдеры не замечают, поскольку они теряют перспективу исследовательского взгляда.

Приведем несколько примеров.

1. Когда мы приступили к изучению концепта *өг* ‘юрта’ в современной тувинской культуре, основная часть коллектива предполагала, что нам предстоит путь к животноводам, проживающим в юртах. Но один из нас спросил: «Нет ли юрты у каждого из нас?» И предложил всем оглядеться по сторонам в местностях, где тувинцы живут оседло, — в городах, селах. И попробовать найти не только настоящие строения юрты, но и ее фрагменты, изображения, образы везде, где только возможно: в архитектуре, во внутреннем дизайне, в сувенирах, на картинах и картинках, в брендах... И сфотографировать увиденное. Как оказалось, образов юрты очень и очень много как в столице республики, так и сельской местности. Члены коллектива, осмотревшись по сторонам, весьма удивились, увидев образы юрты вокруг себя, даже дома. В тот сезон — летом 2022 г. — «охота» за юртой превратилась в увлекательный квест, в который включились даже члены семей коллектива. Все осматривались и поражались: «Как мы раньше этого не замечали?! Ведь юрта вокруг нас везде!» Наши поиски вылились в отдельно изданную богато иллюстрированную книгу [38].

2. Как мы выяснили, владение тувинским языком как родным, а также профессиональная работа филолога далеко не всегда является преимуществом для понимания состава тувинской лингвокультуры. Владеющие тувинским языком хуже, как оказалось, просто видят некоторые вещи, лежащие на поверхности. Например, когда тувинцы говорят о родной земле, то используют словосочетания *төрээн чер* и *төрээн чурт*, которые переводятся как ‘родная земля’, ‘Родина’ или ‘родные места’. И даже тувинские филологи не делают между ними особых различий [39].

Парадоксальный вопрос аутсайдера в этой ситуации («Почему есть два разных выражения?») сначала привел филологов в замешательство, так как они даже не осознавали, что сами употребляют эти словосочетания как взаимозаменяемые. Совместные поиски в этимологических работах позволили выяснить, что лексемы имеют определенные различия. Первые значения древнетюркского *jer*, к которому восходит тувинское *чер* — ‘земля’ [39. С. 257], а *jurt* означает ‘дом’, ‘владение’ и пр. Поэтому первое относится к категориям пространственного восприятия, а второе, скорее, социального в сочетании с пространственным (социально-пространственное), в основе которого лежит понимание общественного устройства. Соответственно, мы приходим к выводу о наличии в тувинской лингвокультуре двух исторических пластов понимания Родины, которые связаны с древнетюркскими представлениями о государственности, а также с внесударственным пониманием своего пространства уже у разрозненно проживающих племен.

3. Еще один пример связан с парадоксом, когда при развитии на протяжении нескольких десятков лет этнопедагогических исследований в тувинской культуре оказалось, что культ учительства, наставничества (культ *башкы*) оказался вне поле зрения даже внутреннего тувиноведения, несмотря на то, что большинство его представителей сами носили и носят это звание, имеют в своей профессиональной среде *башкы*. При этом в нашем коллективе молодые члены к старшим обращались именно *башкы*. Носители языка настолько привыкли для работы в русскоязычном поле науки переводить все на русский язык, что поменяли слово *башкы* на *учитель*, в итоге утратив одну из важнейших составляющих тувинской этнической культуры — культуру *башкы*.

Заключение

Таким образом, когда мы говорим о том, как организуется и реализуется внутреннее исследование этнической культуры, с учетом нашей субъектности и как исследователей, и как носителей культуры, мы должны принимать во внимание специфические условия работы ученых-инсайдеров. Важнейшими из них становятся условия российской науки, асимметричной, регионализованной, выполняющей требования государственной научной

политики. Этнические культуры региональных общностей остаются интересными в основном самим региональным научным центрам, региональным ученым.

Однако, несмотря на сложные общие условия, работа региональной науки не останавливается. Проблема заключается только в том, чтобы региональная наука сама нашла в себе внутренние источники развития. Необходимо осознать, что общая позиция инсайдера не может рассматриваться как некое преимущество. Наиболее богатое исследование, охватывающее сразу разные стороны исследуемого объекта, разные аспекты предмета, может быть выполнено, если мы будем соблюдать баланс между знаниями науки и знанием культуры.

Список литературы

1. Ламажаа Ч.К., Сувандии Н.Д., Кужугет Ш.Ю., Майны Ш.Б. Тувинцы. Родные люди / отв. ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022.
2. Narayan K. How Native is a Native Anthropologist? // *American Anthropologist*. 1993. Vol. 95. P. 671–686.
3. Paerregaard K. The resonance of fieldwork. Ethnographers, informants and the creation of anthropological knowledge // *Social Anthropology*. 2002. Vol. 10. Issue 3. P. 319–334. <https://doi.org/10.1017/S0964028202000216>
4. Kuwayama T. 'Natives' as dialogic partners. Some thoughts on native anthropology // *Anthropology today*. 2003. Vol. 19. No. 1. P. 8–13.
5. Kempny M. Rethinking Native Anthropology: Migration and Auto-Ethnography in the Post-Accession Europe // *International Review of Social Research*. 2012. Vol. 2. Issue 2. P. 39–52. <https://doi.org/10.1515/irsr-2012-0015>
6. Meyers R. Native Anthropology, to be a Native Scholar, or a Scholar that is Native: Reviving Ethnography in Indian Country // *Anthropology Now*. 2019. Vol. 11. Issue 1–2. P. 23–33. <https://doi.org/10.1080/19428200.2019.1648125>
7. Forster A. We Are All Insider-Outsiders: A Review of Debates Surrounding Native Anthropology // *Student Anthropologist*. 2020. Vol. 3. No 1. P. 13–26. <https://doi.org/10.1002/j.sda2.20120301.0002>
8. Tsuda T. Is native anthropology really possible? // *Anthropology today*. 2015. Vol. 31. No. 3. P. 14–17.
9. Монгуш М.В. Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // *Новые исследования Тувы*. 2010. № 2. С. 203–237.
10. Ламажаа Ч.К. Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях // *Новые исследования Тувы*. 2016. № 2. С. 32–51.
11. Lamazhaa Ch.K. Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva facing Modern Challenges // *Asian Studies, The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12), Jun 2022, Vol. 1. P. 296–308. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>*
12. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2022. Т. 18. № 2. С. 215–224. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207>
13. *Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири* / под ред. Н.Б. Кошкаревой, Е.В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2021.
14. Манджиева Э.Б. Формульные выражения традиционного этикета в русской и калмыцкой лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

15. Колесникова С.М. Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 90–103. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>
16. Нелюбова Н.Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. <https://doi.org/https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
17. Зиновьева Е.И., Алешин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 131–145. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
18. Сарангаева Ж.Н. Эмблематическое выражение концепта брак в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 67–70.
19. Абдуллаева Р.Х. Стереотипы красоты в русской и узбекской лингвокультурах (на материале пословиц русского и узбекского языков) // Неофилология. 2022. Т. 8. № 4. С. 849–860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860>
20. Бердимуратова К.С. Концепт «свадьба» как фрейм в русской и казахской лингвокультурах // актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 12–13 мая 2016 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 112–117.
21. Социокультурная антропология: история, теория и методология: энциклопедический словарь / под ред. Ю.М. Резника. М.: Академический проект; Культура; Киров: Константа, 2012.
22. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022.
23. Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
24. Тишков В.А. Гуманитарные науки в России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. 878–885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6>
25. Тишков В.А., Тютюрский А.В. Русские // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935> (дата обращения: 12.05.2023).
26. Актуальность полемики Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии Ч. 1 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 4. С. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>
27. Баранов Д.А. Локальное знание и «другие антропологии» // Этнографическое обозрение. 2021. № 5. 84–112. <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7>
28. Актуальность полемики Ю.Н. Солонина и М.С. Кагана. Фундаментальные основания российской культурологии: Материалы круглого стола. Ч. 2 // Человек. Культура. Образование. 2023. № 1. С. 160–187. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>
29. Smith L.T. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London, Zed Books Ltd., 1999.
30. Харитонова В.И. «Я иду сквозь тебя»: к вопросу исследования ИСС у шаманов // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 180–197. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/10>
31. Захаров-Гезехус И.А. Ученые верят в Бога. М.: Институт компьютерных исследований, 2015.
32. Кураев А.В., Кураев В.И. Религиозная вера и рациональность // Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. Т. 1. М.: ИФ РАН, 1995. С. 88–113.
33. Ganga D., Scott, S. Cultural “Insiders” and the Issue of Positionality in Qualitative Migration Research: Moving “Across” and Moving “Along” Researcher-Participant Divides // Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research. 2006. Vol. 7. No. 3. <https://doi.org/10.17169/fqs-7.3.134>

34. Комарова Г. Профессия антрополога необыкновенно расширяет кругозор // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 329–359.
35. Комарова Г.А. «Уважение к респондентам — важнейшая заповедь исследователя» (интервью с Е.И. Филипповой и М. Ларюэль) // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 120–131.
36. Соколовский С.В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции / редакторы-составители: А.А. Пископфель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2010. С. 29–48.
37. Комарова Г. О самой лучшей «награде» антропологической работы // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 448–474.
38. Өөвүс. Возвращение тувинской юрты / под ред. Ч.К. Ламажаа, Н.Д. Сувандии. Кызыл, 2022.
39. Монгуш А.А., Бавуу-Сюрюн М.В. Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (40). С. 106–117. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117>

References

1. Lamazhaa, Ch.K., N.D. Suvandii, Sh.Yu. Kuzhuget, and Sh.B. Mainy. 2022. Tuvinians. Native people. Edited by Ch.K. Lamazhaa, N.D. Suvandii. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. Print. (In Russ.).
2. Narayan, K. 1993. “How Native is a Native Anthropologist?”. *American Anthropologist* 95: 671–686. Print.
3. Paerregaard, K. 2002. “The resonance of fieldwork. Ethnographers, informants and the creation of anthropological knowledge”. *Social Anthropology* 10 (3): 319–334. <https://doi.org/10.1017/S0964028202000216>
4. Kuwayama, T. 2003. “‘Natives’ as dialogic partners. Some thoughts on native anthropology”. *Anthropology today* 19 (1): 8–13. Print.
5. Kempny, M. 2012. “Rethinking Native Anthropology: Migration and Auto-Ethnography in the Post-Accession Europe”. *International Review of Social Research* 2 (2): 39–52. <https://doi.org/10.1515/irsr-2012-0015>
6. Meyers, R. 2019. “Native Anthropology, to be a Native Scholar, or a Scholar that is Native: Reviving Ethnography in Indian Country”. *Anthropology Now* 11 (1–2): 23–33. <https://doi.org/10.1080/19428200.2019.1648125>
7. Forster, A. 2020. “We Are All Insider-Outsiders: A Review of Debates Surrounding Native Anthropology”. *Student Anthropologist* 3 (1): 13–26. <https://doi.org/10.1002/j.sda2.20120301.0002>
8. Tsuda, T. 2015. “Is native anthropology really possible?”. *Anthropology today* 31 (3): 14–17. Print.
9. Mongush, M.V. 2010. “Foreign researchers of Tuva (a brief review)”. *The New Research of Tuva*, 2. 2: 203–237. Print. (In Russ.).
10. Lamazhaa, Ch.K. 2016. “Tuvan ethnicity and the society in ethnological and anthropological studies”. *The New Research of Tuva* 2: 32–51. Print. (In Russ.).
11. Lamazhaa, Ch.K. 2022 “Unknown Asian Russia: Nomadic, Turkic-speaking, Buddhist Tuva facing Modern Challenges”. *Asian Studies, The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)* 1: 296–308. <https://doi.org/10.5117/9789048557820/ICAS.2022.037>
12. Achkasov, V.A. 2022. “Why do Russians need the status of “state-forming people”. *Political expertise: POLITEKS* 18 (2): 215–224. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.207> (In Russ.).
13. Koshkareva, N.B. and E.V. Tyuntshcheva, eds. 2021. *Living space and spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia*. Novosibirsk: Akademizdat publ. Print. (In Russ.).

14. Mandzhieva, E.B. 2009. “Formula Expressions of Traditional Etiquette in Russian and Kalmyk Linguocultures”. Candidate Diss. on Philology. Volgograd. Print. (In Russ.).
15. Kolesnikova, S.M. 2022. “Gradual Semantics of Russian and Tuvanian Proverbs”. *The New Research of Tuva 1*: 90–103. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6> (In Russ.).
16. Nelyubova, N.Yu. 2022. “Axiological Dominants of Paremiyas as Typological Markers of Tuvan, Russian, French Ethnocultures”. *The New Research of Tuva 1*: 146–163. <https://doi.org/https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10> (In Russ.).
17. Zinov’eva, E.I. and A.S. Aleshin. 2022. “Family in comparative studies of Tuvan, Swedish and Russian languages”. *The New Research of Tuva 1*: 131–145. Print. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9> (In Russ.).
18. Sarangaeva, Zh.N. 2019. “Emblematic Representation of “Marriage” concept in Kalmyk, Russian and English Linguocultures”. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya 1 (22)*: 67–70. Print. (In Russ.).
19. Abdullaeva, R.Kh. 2022. “Stereotypes of Beauty in Russian and Uzbek Linguocultures”. *Neofilologiya 8 (4)*: 849–860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860> (In Russ.).
20. Berdimuratova, K.S. 2016. “Concept of “Marriage” as a freim in Russian and Kazakh Linguocultures”. In *Aktual’nye problemy russkoi i sopostavitel’noi filologii: teoriya i praktika Proceedings*. Ufa, May 12–13. Ufa: Bashkirskii gosudarstvennyi universitet publ. Pp. 112–117. Print. (In Russ.).
21. Reznik, Yu.M., eds. 2012. *Sociocultural anthropology: history, theory and methodology: encyclopedic dictionary*. Moscow: Akademicheskii proekt publ; Kul’tura publ; Kirov: Konstanta publ. Print. (In Russ.).
22. Martynova, M.Yu. and V.A. Tishkov. 2022. *Soviet ethnography in the history of state building and national politics*. Moscow: IEA RAN publ. Print. (In Russ.).
23. Tishkov, V.A. 2020. “Where Russian ethnology came from: a personal view in a global perspective”. *Etnograficheskoe obozrenie 2*: 72–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6> (In Russ.).
24. Tishkov, V.A. 2018. “Humanities in Russia”. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk 88 (10)*: 878–885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6> (In Russ.).
25. Tishkov, V.A. and A.V. Tutorskii. 2023. “Russians”. In *Bol’shaya rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935> (date of access: 12.05.2023). Web. (In Russ.).
26. Zabulionite, A.K.I., I.B. Ardashkin and V.N. Badmaev. 2022. “Aktual’nost’ polemiki Yu.N. Solonina i M.S. Kagana. Fundamental’nye osnovaniya rossiiskoi kul’turologii (posvyashchaetsya pamyati prof. Yu.N. Solonina, k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)”. *Chelovek. Kul’tura. Obrazovanie 4*: 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145> (In Russ.).
27. Baranov, D.A. 2021. “Lokal’noe znanie i ‘drugie antropologii’”. *Etnograficheskoe obozrenie 5*: 84–112. <https://doi.org/10.31857/S086954150017416-7> (In Russ.).
28. Zabulionite, A.K.I., I.B. Ardashkin and V.N. Badmaev. 2023 “The relevance of the controversy Yu.N. Solonin and M.S. Kagan. Fundamental foundations of Russian cultural studies (dedicated to the memory of Prof. Yu.N. Solonin, on the 80th anniversary of his birth) Proceedings. (November 20, 2021)”. *Chelovek. Kul’tura. Obrazovanie 1*: 160–187. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-1-160>
29. Smith, L.T. 1999. *Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples*. London: Zed Books Ltd. Print.
30. Kharitonova, V.I. 2019. “I walk through you”: on the issue of researching ISS in shamans”. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya 2*: 180–197. <https://doi.org/10.17223/2312461X/24/10> (In Russ.).
31. Zakharov-Gezekhus, I.A. 2015. *Scientists believe in God*. Moscow: Institut komp’yuternykh issledovaniy publ. Print. (In Russ.).

32. Kuraev, A.V. and V.I. Kuraev. 1995. Religious Faith and Rationality. In Historical types of rationality. Edited by V.A. Lektorskii. V. 1. Moscow: IF RAN publ. Pp. 88–113. Print. (In Russ.).
33. Ganga, D., Scott, S. Cultural 2006. “‘Insiders’ and the Issue of Positionality in Qualitative Migration Research: Moving ‘Across’ and Moving ‘Along’ Researcher-Participant Divides” Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research 7 (3). <https://doi.org/10.17169/fqs-7.3.134>
34. Komarova, G. 2013. “The profession of an anthropologist unusually broadens one’s horizons”. *Antropologicheskii forum* 19: 329–359. Print. (In Russ.).
35. Komarova, G.A. 2007. “Respect for respondents is the most important commandment of a researcher”. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 120–131. Print. (In Russ.).
36. Sokolovskii, S.V. 2010. “Autoethnography and New methods of Science”. In *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Edited by A.A. Piskoppel, V.R. Rokityanskii, L.P. Shchedrovitskii. Moscow: Rossiiskii nauchno-issledovatel’skii institut kul’turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Likhacheva publ. Pp. 29–48. Print. (In Russ.).
37. Komarova, G. 2011. “On the “medal” of anthropology studies”. *Antropologicheskii forum* 15: 448–474. Print. (In Russ.).
38. Lamazhaa, Ch.K., and N.D. Suvandii, eds. 2022. *Өөвүс. Coming back the Tuvan yurt*. Kyzyl. Print. (In Russ.).
39. Mongush, A.A., and M.V. Bavuu-Syuryun. 2020. “Lexical representations of ‘Homeland’ concept in poetry by Tuvan authors”. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* 2 (40): 106–117. <https://doi.org/10.25205/2312-6337-2020-2-106-117> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID: 0000-0003-1813-3605
eLibrary SPIN-code: 5840–5430

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией этнологии и лингвокультурологии, Тувинский государственный университет. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3817-2436
eLibrary SPIN-code: 8738–8205

Bio Notes:

Chiniza K. Lamazhaa is a Doctor of Philosophy, Independent Researcher. E-mail: lamazhaa@tuva.asia
ORCID: 0000-0003-1813-3605; eLibrary SPIN-code 5840–5430

Nadezhda D. Suvandii is a Candidate of Philological Sciences, Head of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. E-mail: suvandiin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3817-2436
eLibrary SPIN-code 8738-8205